РУЛЬ

20 Pfennig

18. 11. 1927

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Berlin, 18. November 1927. Wochentag-Ausgabe Nr. 224

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, I. Nabokoff †

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ съ доставкою ежедневно 4,30 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 35 пф. почт расх. за доставку). Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шил., Англію 5 шил., Бельгію 7.50 б. Болгарію 150 лев. Венгрію 6 пенге, Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 100 хр., Данію 4.50 д. кр., Данцигъ 3.— гульд., Испанію 8.— пез., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Норвегію 4.50 норв. кронъ, Польшу 1.— зл. долл., Португалію 20.— эскуд, Румынію 200 лей (для Бессарабіи 150 лей), Турцію 200 піастр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 25.— фр. фр., Чехословакію 35.— чешск. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— шв. кр., Эстонію 400 эст. мар., Югославію 60 дин въ мѣс. Во внѣевропейскія страны. Азію вост. 120 долл. ам., Азію зап. 5 англ. шил., Нид. Инд. 3.— голл гульд., Америку вообще 1.20 долл., Аргент. респ. 1.20 зол. пезо, Бразилію 7.— мильр., Чили 12.50 бум. пезо, Африку, Англ. влад. 3 англ. шил., Итальянск. влад. 35 ит. лиръ, Франц. влад. 30.— франц. фр., въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе начисленія высылки.

Объявленія: Цѣна въ золотыхъ маркахъ:

20 золотыхъ пфениговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.
1 зол. марка 35 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.
15 золотыхъ пфениговъ за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.
10 зол. пфениговъ для врачей
15 „ „ „ прис. повѣренныхъ.
10 зол пфен. за миллиметръ для ищущихъ мѣсто.
При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу.

Основанъ **І. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †**

Пріемъ объявленій и подписки Berlin SW 68, Zimmerstraße 7-8. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1½ до 1½ часа дня. Телефонъ редакціи и конторы Zentrum 7984 и 7985. Текущіе почтовые счета: Для Германіи — Berlin № 27156. Для Чехословакіи — Praha № 77354. Для Югославіи — Beograd № 68020. Для Польши P. K. O. — Warszawa Dobro № 9662.

Сокращ. адресъ для телеграммъ Rulzeitung Berlin.

№ 2120-й | Пятница, 18 Ноября 1927 г. | 8-й г. изд.

Берлинъ, 17 ноября.

Торжество Митрофанушки.

Вошла въ поговорку дурашливость фонвизинскаго Митрофанушки, жалѣвшаго матушку свою Скотинину, которая устала, колотя батюшку. А пришлось дожить и до такихъ временъ, когда митрофанушкина «психологія» пріобрѣтаетъ большое политическое значеніе. Троцкаго одни ненавидятъ, другіе восхищаются обрѣтаннымъ имъ вдругъ мужествомъ, котораго ему такъ долго недоставало. Побѣдителя Сталина одни презираютъ, другіе сожалѣютъ: онъ такъ устаръ, колотя Троцкаго!

Ахъ, эти — одни и другіе. Въ блаженной памяти русскихъ классическихъ гимназіяхъ ученикамъ настойчиво вдалбливали, что doneceris felix, multos numerabis amicos. Много друзей будетъ тебя окружать, пока ты будешь пользоваться благосклонностью фортуны! «одни и другіе» не представляютъ замкнутыхъ кастъ; напротивъ, свободно переходятъ изъ одного лагеря въ другой. Только что Сталинъ поставилъ соціалистическому органу въ примѣръ буржуазную газету, которая умѣетъ де объективно оцѣнивать положеніе дѣлъ въ СССР, и вотъ уже эта газета въ побѣдѣ Сталина прозрѣваетъ его пораженіе и противопоставляетъ его грубому бурбонству безстрашіе Троцкаго, котораго и угроза смерти не можетъ больше испугать. Еще хуже того: въ картинномъ изображеніи г. Шефера, который столь неустанно прославлялъ государственный умъ Сталина, десятилѣтній юбилей превратился въ мрачную панихиду по безслѣдно отлетѣвшемъ революціонномъ энтузіазмѣ, отъ котораго остался только красный цвѣтъ: красныя знамена, въ невиданномъ количествѣ (двухъ съ половиной милліоновъ было уатъ) красные лампіоны и даже — кому мерещился такой апоѳеозъ — красные шарфы на жирныхъ гусяхъ въ Охотномъ рядѣ. Только мужественный протестъ оппозиціи прорѣзалъ свѣжей струей эту мертвящую казенную обрядность. А о побѣдителѣ г. Шеферъ можетъ лишь сообщить, что въ кульминаціонный моментъ юбилейной панихиды, на торжественномъ засѣданіи въ Большомъ театрѣ, за столомъ президіума красовался изъ всего ленинскаго окруженія одинъ Бухаринъ (да и этотъ, какъ говаривалъ Собакевичъ, «одинъ порядочный человѣкъ», по увѣренію «примѣрной» въ глазахъ Сталина газеты, уже лавируетъ). Что же касается побѣдителя, онъ предпочелъ убраться подальше отъ стола президіума и предусмотрительно — береженаго и Богъ бережетъ — «закрыться гигантскимъ бронзовымъ канделябромъ», а ночью при осслѣпительномъ свѣтѣ прожекторовъ изъ Кремля вынеслась въ бѣшеномъ карьерѣ знаменитая кавказская «дикая дивизія», встрѣченная криками: «сталинскіе преторіанцы!» Но чего же стоитъ этотъ маскарадъ? Онъ не страшнѣе сталинскихъ ботфортовъ и бурбонскихъ окриковъ, если тутъ же г. Шеферъ подтверждаетъ наши сообщенія, что командный составъ красной арміи представляется ненадежнымъ, а московскій корреспондентъ «L. Anz.» добавляетъ, что оппозиція располагаетъ уже и войсками.

«Устала матушка, колотя батюшку»! Неудивительно поэтому, что всѣ приверстницы и соглашатели до послѣдней минуты старались избавить своего высокаго покровителя отъ этой тяжелой необходимости и истощались въ усиліяхъ уломать Троцкаго и муссировали и лансировали слухи (и до насъ дошедшіе), что «возможность примиренія не исключена». Они были искренни, эти прихвостни, старались не за страхъ, а за совѣсть. Въ своей безмѣрной угодливости, шкурности и продажности они дѣйствительно неспособны понять, что для оппозиціи отступленіе невозможно, всѣ мосты сожжены: ее уже не можетъ испугать ни рыцарское лишеніе заработка и жилплощади, ни угроза тюрьмы и «стѣнки». Ей ничего не остается какъ вспоминать — отъ сумы и тюрьмы не зарекайся, и это сознаніе перращаетъ и воробьевъ въ ястребовъ, зайцы становятся волками.

Усталъ чудесный грузинъ, а между тѣмъ вся работа еще впереди. Совершенно справедливо г. Шеферъ указываетъ, что логика вещей требуетъ ареста лидеровъ оппозиціи и что только такая мѣра докажетъ наличность власти и мощи у правящей кучки. Намъ очень лестно, что мнѣніе столь освѣдомленнаго наблюдателя совпадаетъ съ тѣмъ совѣтомъ, который мы на дняхъ позволили себѣ преподать красному маршалу Ворошилову, отвлекающемуся отъ злобы дня раздачей орденовъ государственнымъ преступникамъ вродѣ товарища его, каторжника Гельца. Но г. Шеферъ забылъ напомнить о самомъ главномъ, о томъ, что всякому овощу свое время, что арестовать нужно сегодня, а не завтра, когда этотъ овощъ можетъ уже безнадежно перезрѣть. Тутъ ужъ и жирные гуси съ красными шарфами изъ Охотнаго ряда не помогутъ. Ахъ, усталъ Сталинъ! А работа то вся еще впереди, колотить придется долго и сильно. Выдержитъ ли онъ еще новое напряженіе? Если и сейчасъ ему приходится укрываться за гигантскимъ, бронзовымъ канделябромъ, то послѣ дальнѣйшей побѣды надъ Троцкимъ, который тотъ ожидаетъ съ высоко поднятой головой, ему и совсѣмъ нельзя будетъ на свѣтъ Божій показаться.

НОВЫЙ СКАНДАЛЪ.

Русскіе герои «промывочной» венгерской эпопеи, братья Товбины, въ своемъ пестромъ активѣ имѣютъ также и связь съ большевиками.

Изъ весьма освѣдомленнаго и вполнѣ достовѣрнаго источника можемъ сообщить слѣдующія подробности.

Семенъ Товбинъ — «старшой» и считавшійся главой парижскаго «дѣла», въ отличіе отъ своего брата, обосновавшагося въ Берлинѣ, по постоянно наѣзжавшаго въ Парижъ, — прибылъ въ Парижъ въ 1924 г. и сразу же **сталъ близокъ съ покойнымъ Красинымъ.** Красинъ увѣровалъ въ таланты Семена Товбина и сталъ давать ему весьма серьезныя порученія. Однимъ изъ нихъ явились **переговоры отъ имени Красина между Товбиными и бывшими директорами Русскаго Азіатскаго банка** — Миллеромъ, Батоланымъ и Путиловымъ.

Красинъ проектировалъ возстановить въ Россіи Русско-Азіатскій банкъ во главѣ съ Путиловымъ, чтобы имѣть возможность использовать капиталы этого банка, находившіеся въ дальне-восточныхъ отдѣленіяхъ и, кромѣ того, получить въ свое обладаніе Китайско-Восточную желѣзную дорогу, въ которой Русско-Азіатскій банкъ являлся крупнымъ акціонеромъ. Разговоры кончились тѣмъ, что Миллеръ былъ командированъ въ Москву, получивъ на сей предметъ отъ Красина 1000 долларовъ. Долженъ былъ ѣхать и Товбинъ, которому тоже была выдана на поѣздку такая же сумма. Но въ послѣдній моментъ сказавшись больнымъ Товбинъ отъ поѣздки уклонился. Миллеръ пробылъ въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ и вмѣстѣ съ тамошними служащими банка **собралъ большой пакетъ акцій Русско-Азіатскаго банка, хранившихся въ націонализированныхъ сейфахъ,** и вернулся въ Парижъ.

Одновременно въ дипломатическихъ вализахъ было **привезено въ Парижъ огромное количество облигацій китайскаго правительства 1895 г.,** гарантированныхъ Франціей, Россіей и Англіей. Семенъ Товбинъ получилъ новое отвѣтственное порученіе — ликвидировать облигаціи на сумму въ 30 милліоновъ рублей. Съ присущей ему энергіей онъ приступилъ къ дѣлу, но на первыхъ же порахъ натолкнулся на серьезныя препятствія. Согласно утвержденному Англіей и Франціей закону, всѣ китайскія облигаціи, не зарегистрированныя въ Европѣ до 1920 г., объявлялись похищенными и не подлежащими биржевому обороту. Оставалось обойти эту формальность. Начались переговоры съ нѣкоторыми австрійскими банкирами, но въ послѣднюю минуту австрійскіе банкиры отъ этого дѣла отказались. Тогда были предприняты попытки купить на эти облигаціи въ Парижѣ разные товары. Когда же не удалось и это, Товбинъ совмѣстно съ двумя совѣтскими артельщиками повезли облигаціи въ Голландію и вступили тамъ въ переговоры о полученіи милліонной ссуды.

Но сорвалась и эта комбинація. Парижская полиція, предупрежденная однимъ изъ крупныхъ парижскихъ банковъ, снеслась съ Амстердамомъ, по **наканунѣ обыска Товбинъ съ совѣтскими чиновниками успѣлъ уѣхать обратно въ Парижъ, гдѣ и сдалъ злополучныя облигаціи въ кассы полпредства.**

Почти такая-же исторія произошла и съ Русско-Азіатскимъ банкомъ. Когда комбинація возстановленія Русско-Азіатскаго банка при участіи Путилова и Миллера провалилась, **была сдѣлана попытка захватить въ свои руки власть надъ управленіемъ банка.** Для этой цѣли Товбинъ и еще нѣсколько подставныхъ лицъ **представили общему собранію акціонеровъ банка въ Парижѣ, удостовѣреніе комиссаріата финансовъ, завѣренное парижскимъ полпредствомъ о томъ, что они являются владѣльцами пакета въ 40.000 акцій. Удостовѣреніе это произвело однако обратный разультатъ. Собраніе признало акціи представленныя Товбиными, похищенными изъ банковскихъ сейфовъ, а лицъ представившихъ ихъ — подставными акціонерами парижскаго полпредства. Обжаловать это рѣшеніе общаго собранія Красинъ не рѣшился, ибо** боялся шумихи и разоблаченій, которыя могли закончиться большимъ скандаломъ. Вскорѣ Красинъ заболѣлъ и его замѣнилъ Раковскій. Товбинъ сумѣлъ войти въ довѣріе и къ новому полпреду. **При Раковскомъ онъ даже расширилъ сферу своего вліянія** и задѣлался чуть ли не главнымъ фанасовымъ совѣтникомъ полпредства. По предложенному имъ плану, **изъ Москвы были присланы всѣ иностранныя процентныя бумаги, хранившіяся въ націонализированныхъ сейфахъ. Съ бумагами этими начали оперировать.** Сначала продавали небольшими партіями по нѣсколько сотъ штукъ черезъ биржевыхъ зайцевъ и не рисковали выпускать на рынокъ крупными партіями, которыя сразу могли бы обратить на себя вниманіе. Вырученныя деньги дѣлились пополамъ между Товбинымъ и полпредствомъ. Но это была мелочь, и всѣ упованія возлагались на реализацію крупныхъ пакетовъ, что могло принести нѣсколько десятковъ милліоновъ долларовъ. Но въ рѣшительную минуту, сдѣлка съ однимъ американскимъ банкомъ по продажѣ пакета акцій и процентныхъ бумагъ на сумму въ 6 милліоновъ долларовъ, по 45 копѣекъ за рубль, была неожиданно разорвана.

(См. окончаніе на 3 стр.)

Сегодня въ номерѣ:

Торжество Митрофанушки.
Лондонъ поздней осенью — Г. Попова.
Простой случай — Л. Страховскаго.
Юбилей — В. Сирина.
Панихида.

Лондонъ поздней осенью.

Лондонъ, 11 ноября.

Въ одной рукѣ палитра, въ другой кисть и, пожалуйста, только три краски — сѣрая, зеленая и красная. Такъ можно сдѣлать попытку набросать изображеніе той очаровательной дѣйствительности, которая зовется названіемъ «осенняго Лондона» представлять своеобразно-прекрасную, безсознательно-стилизованную картину съ далекими расплывающимися перспективами сѣраго и зеленаго, в полу оживленными свѣтящимися, подвижными и неподвижными красными точками.

Небо сѣро, голубовато-сѣро, также и улицы, и дома; таковъ же и туманъ, знаменитый англійскій всепроникающій туманъ. Зелена трава, сочна влажная трава лондонскихъ парковъ, этихъ парковъ огромнаго протяженія, создающихъ внутри міровогo города ландшафты замѣчательной красоты. Все остальное красно. Красны автобусы, красны почтовые ящики, телефонныя будки на улицахъ, мундиры, красны шляпки спортивно закаленныхъ, овѣянныхъ благороднымъ англичанокъ.

Всюду куда не кинешь взглядъ — красныя точки на зеленой травѣ въ сѣромъ туманѣ...

* * *

Чьи-то совершенно глупыя слова пришлось мнѣ услышать о Лондонѣ и однако это было самое мѣткое, что можетъ быть сказано объ этой своеобразной столицѣ: «Этотъ городъ такой типично англійскій». И дѣйствительно среди міровыхъ столицъ меньше всѣхъ другихъ имѣетъ Лондонъ международный отпечатокъ. На улицахъ люди выглядятъ точно такъ, какъ ихъ принято у насъ изображать въ иллюстрированныхъ книжкахъ: красныя лица, шерстяныя кепки на нѣмъ, крѣпкіе сапоги на ногахъ, и курятъ они по-настоящему трубку, широко шагая по улицѣ. Столько курящихъ трубки существъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, никогда въ жизни еще не приходилось мнѣ видѣть.

Лондонская улица! Характерно, что даже такимъ иностранцамъ, у которыхъ еще свѣжа въ воспоминаніи картина берлинскихъ, римскихъ, парижскихъ и женевскихъ улицъ, въ Лондонѣ сразу бросается въ глаза насколько здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ одѣты прохожіе. (И насколько лучше они настроены...) Всѣ еще въ ноябрѣ ходятъ по улицамъ въ обычномъ костюмѣ безъ пальто; многіе по вечерамъ во фракахъ съ орхидеей въ петлицѣ и цилиндромъ на головѣ, совсѣмъ какъ будто продолжается «сезонъ». И всѣ торопятся съ достоинствомъ, можно, пожалуй, сказать, — торопятся съ медлительностью...

Иногда мнѣ хотѣлось бы быть городомъ. Рѣдко хорошѣетъ человѣкъ съ годами. Иначе города — старость, по большей части, служитъ къ ихъ украшенію. Конечно, старый Реджентстритъ былъ поэтичнѣе теперешняго. Кое-что могло быть нѣкогда въ Лондонѣ красивѣе. Но никакихъ признаковъ упадка не обнаруживаетъ за столько лѣтъ моего отсутствія Пикадилли. Чуть-чуть только измѣнился, пожалуй, даже помолодѣлъ. Лондонъ не выростаетъ такъ безумно какъ Берлинъ, гдѣ цѣлые дома, давно знакомые магазины, привычныя гостиницы настолько мѣняютъ чуть ли не въ сутки видъ своей мѣстности, что часто не узнаешь и улицъ. Однако, за послѣдніе годы также и Пикадилли, и Реджентстритъ, и Гаймаркетъ получили новую внѣшность благодаря ряду новыхъ домовъ. И однако въ отличіе отъ другихъ мѣстъ, гдѣ все но-